

ВАЛЕРИ БОУМЕН

Уроки
для Графа

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б72

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Valerie Bowman
EARL LESSONS

Перевод с английского *И. Родина*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Taryn Fagerness Agency
и Synopsis Literary Agency.

Боумен, Валери.
Б72 Уроки для графа : [роман] / Валери Боумен ; [перевод с английского И. Родина]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 288 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-158300-2

Последнее, чего хотел только что вернувшийся с войны капитан Дэвид Элсуорт, — это внезапно обнаружить, что стал новым графом Элмвудом. Со всеми вытекающими вроде необходимости осваивать манеры, сильно отличающиеся от армейских, жениться и производить наследников. Но если неизбежного не изменить, то почему бы не сделать новой графиней прекрасную Аннабел Беллингем, по дружбе помогающую ему усвоить правила и обычаи высшего света?

Маленькое «но»: Аннабел не хочет замуж вообще. Завоевать ее будет непросто...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© June Third Enterprises, LLC, 2021
© Перевод. И. Родин, 2023
© Издание на русском языке AST Publishers, 2024
ISBN 978-5-17-158300-2

Пролог

Городской дом

маркиза Беллингема, Лондон, 1797 год

Из сладкой дремы Аннабел вывел все тот же ужасный голос. Сердце заколотилось. Она натянула одеяло до подбородка. «О нет! Нет! Нет! Только не это!»

В спальне стояла крошечная тьма. Она всегда боялась темноты, но от того, что сейчас происходило там, в конце коридора, впадала в панику.

— Смирись, Анжелина! Я не позволю тебе выказывать непокорность! — прогремел страшный голос, от которого кровь стыла в жилах.

Аннабел натянула одеяло до самого носа, словно оно могло укрыть ее от опасности. Отец опять кричал на маму. В последнее время это происходило все чаще и чаще, и каждый вечер, ложась спать, Аннабел трепетала от ужаса.

— Джордж, пожалуйста, тише: детей разбудишь, — донесся до нее испуганный голос матери.

Аннабел задохнулась. Даже в свои пять лет она понимала, насколько ужасно происходящее. Скандал всегда начинался одинаково, с крика, затем

следовали звуки ударов, а вслед за ними — рыдания и мольбы матери.

Первым инстинктивным движением Аннабел всегда было забиться в угол, спрятаться, но она могла потребоваться старшему брату, храброму настолько, что мог дать отпор отцу. В прошлом Бомонт, или Бо, как его звали домашние и друзья, заработал немало синяков и даже сломал руку, когда пытался защитить маму от пьяного гнева отца. Аннабел очень беспокоилась за брата: для него это могло плохо кончиться, как всегда.

Аннабел не сомневалась, что Бо проснулся. В одиннадцать лет он уже считал себя хозяином дома и был готов вступить за мать и сестру, когда отец становился совсем неуправляемым, хотя и не мог еще достойно противостоять их отцу, особенно когда тот пребывал в ярости, вот как сегодня.

Собравшись с духом, хотя и понимала, что увидит что-то ужасное, Аннабел откинула одеяло и соскользнула с кровати. Темнота пугала ее до жути, но она, подбадривая себя: «Не трусь! Смелее!» — бегом преодолела по ковру, лежавшему на полу ее спальни, пространство до двери, со скрипом приоткрыла ее и выглянула в пустой коридор.

Тишина...

Она знала, что это вовсе не означает, что отец сменил гнев на милость: обычно затишье было прелюдией к чему-то худшему.

«Ну же, соберись! Не бойся!» — мысленно повторяла снова и снова Аннабел, когда, проглотив комок в горле, заставила себя открыть дверь еще

шире и проскользнуть в такой же темный коридор. Прижимаясь спиной к стене, оклеенной обоями, затаив дыхание так, что ныли легкие, девочка двинулась в сторону материнской спальни.

Как Аннабел и предполагала, дверь в комнату брата, которую она миновала, была распахнута, а постель пуста: стало быть, Бо ушел на помощь маме. Ну разумеется, кто бы сомневался! Аннабел расправила плечи и пошла дальше, к спальне матери, повторяя как молитву: «Ты храбрая, просто поверь в это!»

Когда она наконец-то добралась, дверь оказалась плотно закрытой. Вне всякого сомнения, это сделал Бо, чтобы сестра не проснулась от шума. Аннабел сделала глубокий вдох и уже взялась за дверную ручку, но резкий звук удара заставил ее отпрянуть от двери.

Из комнаты донесся тихий плач. Не обращая внимания на набежавшие слезы, девочка приказала себе не трусить, ухватилась за ручку и толчком отворила дверь. Первым она увидела Бо, который заслонял собой мать, забившуюся в дальний угол комнаты. Отец нависал над ней, зажав в одной руке высокий серебряный подсвечник, а в другой — бокал, наполненный коричневой жидкостью. Он всегда пил по ночам.

— Пожалуйста, Джордж, — запричитала мать, — не трогай ребенка! Бо, дорогой, возвращайся в постель, умоляю!

От отчаяния в голосе матери колени Аннабел затряслись, и она резко отпустила ручку двери. Ее всег-

да одолевала в такие ночи, как эта, дурнота, и тем не менее она заставила себя смотреть на кошмарную сцену, которая разыгрывалась перед ней. По щекам ее текли слезы, тело охватила дрожь, ей было страшно.

Только Бо и не думал отступать — напротив, поднял сжатые кулаки и приготовился драться. Даже отсюда Аннабел было видно, что его трясет, но она знала: брат не струсит, будет биться до последнего вздоха. Мама ничего не сможет ни сказать, ни сделать: он не отступит.

Крепко зажмурившись, Аннабел принялась молиться. Однажды она спросила приходского священника, что нужно делать, если ей вдруг потребуется помощь, и святой отец посоветовал молиться, и тогда Господь услышит ее. Каждый раз, когда случалось что-то подобное, она молилась, но никогда не получала ответа на свои мольбы. Отец все так же кричал, оскорблял и избивал маму, пока она не замолкала, теряя сознание.

— Прочь, мальчишка! Повторять не буду! — прогремел отец.

Аннабел рискнула приоткрыть глаза как раз в тот момент, когда он замахнулся на Бо канделябром, но тот оказался проворнее и сообразительнее, чем основательно пьяный отец, и легко увернулся, но тем самым только еще больше его разъярил. Бо стал отступать к двери, но маркиз двинулся к нему, пытаясь нанести удар, и опять промахнулся. Брат же продолжал отступать, стараясь отвлечь внимание отца от мамы и удержать его от ударов, пусть и с риском для себя.

Утерев слезы ладошками, Аннабел распахнула дверь, понадеявшись, что брат сообразит выско-
чить, если понадобится, но Бо и не собирался бе-
жать, несмотря на то что его противник в три раза
старше и гораздо больше. Как только ему удалось
отвлечь внимание отца от матери, он расправил
свои худые плечики и, вздернув подбородок, опять
поднял кулаки и встал в стойку.

— Если тебе так хочется кого-нибудь ударить,
давай, бей меня! — гневно процедил Бо, с ненави-
стью глядя на отца.

Мать выскочила из угла, пытаясь защитить
сына, но следующий удар подсвечником с хрустом
пришелся Бо в челюсть сбоку, сбил его с ног, и он
опрокинулся на спину.

— Нет! — закричала мать.

Аннабел ахнула, увидев, как кровь хлынула
у него изо рта, и бросилась к брату. Упав рядом
с ним на колени, подложила ему под голову подол
своей ночной сорочки, и на ткани моментально
растеклось кроваво-красное пятно.

Мама тут же оказалась рядом, откинула с пот-
ного, окровавленного лица сына светлые волосы,
чтобы оценить тяжесть раны, и в безумной тревоге
склонилась к нему.

Над ними возвышался маркиз, но смотрел на
сына с таким видом, словно ему было безразлично,
жив тот или нет.

— Так и надо паршивцу, — уронив на ковер
окровавленный канделябр, он нетвердой поход-
кой двинулся вон из комнаты. — Не надо вставать

у меня на пути, это не твое дело. Мал еще отцу противоречить.

Аннабел перевела дыхание. Отец получил удовлетворение... по крайней мере, на эту ночь, как обычно. Как только ему удавалось серьезно избить жену или сына, он всегда выметался из дома. Это был кошмарный способ добиться его исчезновения, но Белл всегда был готов принять удар на себя как раз по этой причине.

Слезы ручьем потекли по щекам Аннабел. Она еще усерднее принялась молиться, чтобы брат пришел в себя.

— Аннабел, дорогая, — услышала она шепот матери сквозь слезы. — Иди скажи Мэри, чтобы принесла воды и полотенце. Быстрее!

Девочка поняла, что мама не хотела, чтобы она оставалась здесь: дети не должны становиться свидетелями таких сцен, — но Аннабел уже не раз слышала крики в ночи и не собиралась прятаться в постели в то время, когда мать и брат нуждались в ней. Единственное, на что ей не хватало смелости, — это, как брат, выступить вперед и отвлечь на себя ярость отца. Но придет время, и она сможет. В один прекрасный день она вот так же даст отпор этому депоту. Сможет! Она пообещала себе это. Если бы не струсила, сделала бы это сегодняшней ночью.

Уступив место матери, чтобы поддерживать голову брата, девочка подобрала окровавленный подол ночной сорочки и, выскочив из комнаты, бегом, что было сил, помчалась через темный коридор в холл. Торопливо вскарабкавшись по ступенькам

лестницы для слуг, она бросилась к спальне Мэри. Та была ее гувернанткой, и ей единственной из всех слуг мама доверяла семейные тайны. Спальня Мэри была первой справа на четвертом этаже, и Аннабел проскользнула внутрь, не постучав, а затем в жуткой темноте приблизилась к кровати гувернантки, осторожно потрясла ее и в отчаянии прошептала:

— Мэри, проснитесь!

Глаза девушки моментально открылись.

— О! Аннабел, милая, что стряслось? Неужели опять?..

Мэри сразу поняла, почему ее подопечная оказалась здесь.

— Нужны вода и полотенце, для Бо, — выдохнула Аннабел.

Мэри, откинув одеяло, встала, зажгла свечу и накинула халат.

— Я сейчас же спущусь на кухню и все подготовлю. Принесу все сама, так что ты возвращайся.

Аннабел согласно кивнула. Так всегда было и раньше. Дальнейших объяснений не требовалось. Девочка побежала обратно туда, где могла понадобиться ее помощь.

К той минуте, когда она вновь оказалась рядом с братом, его голубые глаза были открыты, а подбородок приобрел страшный фиолетовый цвет с примесью синего и черного. Мама, как могла, стерла с него кровь своей ночной сорочкой и, продолжая удерживать голову сына, поглаживала его волосы, пытаясь успокоить.

— Бо, — выдохнула Аннабел, ощупывая взглядом пострадавшее от удара родное лицо. — Как себя чувствуешь?

Брат едва слышно сказал, что все в порядке, и поднял глаза на мать.

— Мама... как ты? Он ведь не сделал тебе больно, правда?

У матери потекли слезы.

— Тшш, мой дорогой! Со мной все хорошо, а тебе лучше полежать спокойно.

— Я обещаю: как только вырасту, непременно одолею его.

— Тшш, Белл, просто лежи спокойно, — попросила мать, поглаживая его по волосам.

Несколько минут спустя в комнату торопливо вошла Мэри со стопкой полотенец и тазиком воды. Не говоря ни слова, она опустилась на колени рядом с Бо, окунула полотенце в воду, отжала и приложила к его щеке. Мать и Мэри обменялись удрученными взглядами, глаза бедной женщины опять наполнились слезами, и она, кивнув гувернантке, принялась ей помогать.

Когда кровь с лица и шеи мальчика была смыта, Мэри обернула сухим полотенцем его голову и закрепила его конец под раненой челюстью.

— Я не думаю, что здесь что-то серьезное, — тихо проговорила мать, помогая Бо встать на ноги. — Если бы был перелом, сомневаюсь, чтобы он мог говорить.

— На этот раз да, — согласилась Мэри, тоже поднимаясь. — Может, все-таки отправить за док-

тором, миледи? Лучше удостовериться, что действительно нет ничего серьезного.

Со слезами на глазах бедная женщина покачала головой:

— Вы же знаете, что это невозможно! Он так рассвирепеет, что сделает что-нибудь похуже!

Мама склонила голову, и Аннабел почувствовала волну стыда и страха, исходящую от нее.

— Простите меня, миледи, — сказала Мэри, и голос ее был полон покорности и печали. Служанка направилась к двери с окровавленными полотенцами и, не оборачиваясь, произнесла: — Я принесу чистые ночные рубашки для вас, миледи, и для леди Аннабел, а потом заберу эти, чтобы выстирать.

— Спасибо, — глухо поблагодарила леди Беллингем.

Прижимая горячее полотенце к челюсти, Бо отправился в свою комнату, а Аннабел оставалась с матерью, пока вновь не появилась Мэри. Девочка быстро стянула через голову пропитавшуюся кровью ночную сорочку и влезла в чистую, которую ей та передала. Мать тоже пошла в свою гардеробную, чтобы переодеться.

— Пойду схожу к лорду Бомонту, — сообщила Мэри, остановившись у двери. — Думаю, ему тоже нужно переодеться.

— Спасибо вам, Мэри, — поблагодарила леди Беллингем и, когда служанка вышла, повернулась к дочери: — Аннабел дорогая, может, ляжешь со мной?

— Да, мамочка, с удовольствием, — кивнула Аннабел.

Это был их ритуал. Они любили оставаться вдвоем такими ночами, потому что тогда девочка была уверена, что с матерью ничего не случится. Мама очень боялась, хоть и не признавалась в этом. Отец пошел вниз, к себе в кабинет, где продолжит пить до бессознательного состояния, а завтра, когда проснется, будет страдать от головной боли, ничуть не испытывая вины. С ним так всегда.

Мать откинула покрывало, Аннабел забралась на кровать, и, когда дочь устроилась поудобнее, леди Беллиннгом накрыла их обеих и, обняв, прижала малышку к себе. От нее всегда пахло розовой водой. Аннабел вдохнула знакомый аромат, задержала на мгновение и легонько выдохнула. Даст Бог, папаша пропадет из дому на неделю-другую и можно будет не тревожиться.

Так, в молчании, они полежали некоторое время, прежде чем Аннабел набралась смелости, чтобы задать вопрос, который ей всегда приходил в голову ночами, подобными этой:

— Почему папа такой злой?

Мама ласково провела рукой по ее волосам и еще крепче прижала к себе.

— О, дорогая. Это потому, что он пьет. Если бы только твой отец перестал пить...

— Ты его просила об этом, мамочка? — рискнула спросить Аннабел.

— И не раз, дорогая, — устало призналась леди Беллингем.

Аннабел нахмурилась.

— Тогда почему он не перестал?

Мама положила подбородок на макушку дочери и тяжело вздохнула.

— Я думаю, что он не может, ведь это болезнь.

— Но почему он все время тебя бьет?

Волосы на ее макушке стали влажными от материнских слез.

— Потому что я принадлежу ему. Я его жена.

Глава 1

Лондон, апрель 1815 года

Дэвид Элсуорт вот уже несколько месяцев как получил титул графа Элмвуда, и этого времени ему хватило, чтобы выставить себя полным идиотом. Только за последний час на ужине у Харрисонов он попытался сам налить себе суп из супницы, с которой лакей обходил гигантский стол, несоответствующим образом обратился к дочери лорда Мейфезера, которая, несомненно, была мисс, а не леди, и выбрал явно не ту тему для разговора с леди Кранберри, решив вспомнить историю из тех времен, когда шла война на континенте. Судя по всему, история оказалась не слишком подходящей для ее ушей.

В результате Дэвид, извинившись, вышел из-за стола и быстро двинулся по коридору в поисках укромного уголка, чтобы спрятаться и... выкурить сигару. Торопливо миновав несколько дверей, он вышел на веранду с задней стороны дома. Снаружи было довольно прохладно, но ему понравился этот колючий воздух после более чем двухчасового пребывания в переполненной людьми столовой. Из внутреннего кармашка жилета он вытащил сигару

и прикурил от пламени свечи, стоявшей на столике возле двери. Это была одна из последних сигар, которые были преподнесены ему в качестве подарка одним испанским офицером на континенте, и ему хотелось по-настоящему насладиться ею.

Марианна, младшая сестра Дэвида, убедила его бросить курить, и он согласился с ней, но сегодня решил сделать исключение. С наслаждением затянувшись, он закрыл глаза и попытался забыть все глупости, которые совершил в столовой.

Сестра была права: ему действительно требовался наставник, чтобы научить держаться в соответствии с графским титулом. Они с Марианной и братом Фредериком, который погиб на войне как герой, выросли в небольшом коттедже в Брайтоне и понятия не имели, что их отец был единственным сыном графа Элмвуда. Они всегда считали, что их родитель обыкновенный плотник, а не высородный граф.

Марианна служила горничной, пока не познакомилась с маркизом Беллингемом, который предложил ей руку и сердце. И вот теперь они здесь — брат и сестра, которые не имели никакого представления об этом отвратительном высшем свете, пока внезапно он не получил титул графа, а она в скором будущей — маркизы. Дэвид мог бы посчитать это нелепостью, если бы все не случилось на самом деле. Далекой, очень далекой от того, как он представлял ее себе, стала его жизнь.

Для начала Дэвид решил, что, заняв место в палате лордов, сумеет сделать что-нибудь полезное.